
Ф. М. ШАБУЛЬДО

К ИТОГАМ ИЗУЧЕНИЯ СИНЕВОДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Битва на Синей Воде в 1362 г. была одним из наиболее значительных событий военно-политической истории Восточной Европы периода Средних веков. Ее последствия имели огромное значение для народов, населявших земли нынешней Украины и Беларуси. Однако мало кто из наших современников знает что-либо конкретное об этом сражении.

Ключевые слова: история Восточной Европы, Великое княжество Литовское и Золотая Орда.

В наши дни, как и более 550 лет назад, в историографии наблюдается принципиальное расхождение взглядов на Синеводскую битву и синеводскую проблему в целом, то есть на главные события и обстоятельства, связанные с этим историческим событием. Причины такого состояния – как объективные, так и субъективные. К первым следует отнести крайнюю скудость информации источников, ее фрагментарность и тенденциозность, ко вторым – ошибки, допущенные при изучении данной темы. Среди последних следует назвать прежде всего избирательный подход к использованию источников. В восточнославянских историографиях XIX–XX вв., например при изучении синеводской проблемы, слишком долго отдавали предпочтение летописным источникам, воспринимая их некритически, и явно недостаточно использовали актовый материал. Более того, узкий круг нарратива был искусственно еще более сужен за счет изъятия из научного оборота ценных сведений хроники Мацея Стрыйковского о пространственных пределах антиордынских походов Ольгерда 1362 г. из-за их якобы фантастичности и недостоверности.

Свою негативную роль сыграли значительные паузы в проявлении интереса к синеводской проблематике, издании и изучении основных письменных источников и политических событий эпохи.

История и современность, № 1, март 2013 69–89

Например, наиболее тенденциозная версия о подольском походе великого князя литовского Ольгерда (Альгирдаса) и битве у Синих Вод, записанная в анонимной летописной повести «О Подолье», известна с середины XV в., тогда как краткие, но более содержательные и почти синхронные записи об этих событиях, восходящие к официальному летописанию Тверского княжества – тверскому летописному источнику, в изложении этих событий в Никоновской летописи – с середины XIX в., а в изложении еще более близкого к первоисточнику Рогожского летописца – только после его издания в 1922 г. Тверское происхождение известий о Литве в Рогожском летописце доказано А. Н. Насоновым в 1930 г., то есть почти через 150 лет после начала научного изучения Синеводской битвы. Понятно, что отсутствие в распоряжении исследователей всей совокупности источников и сведений в них должно было привести и привело к заблуждениям, множеству различных нередко ошибочных мнений, оценок и суждений.

Изначально на изучение Синеводской битвы большое влияние оказывала идеологическая борьба правящих кругов Польши и Литвы, а с 30-х гг. XIX в. и России, вокруг «исторических» прав этих государств на Подолье и Волынь. Вследствие этого поход правителя Великого княжества Литовского Ольгерда на золотоордынское Подолье и сама битва у Синих Вод в контексте политики Литовского государства по отношению к Золотой Орде и зависимой от нее Руси как самостоятельная тема специально и разносторонне не исследовалась до появления польского исследователя Ст. Кучинского (1935 г.) и монографии литовского историка Р. Батуры, изданной в 1975 г. Она всегда была частью более узких тем – истории средневекового Подолья или присоединения украинских земель к Литве. Ошибки и просчеты как объективного, так и субъективного порядка привели к тому, что синеводская проблема была сведена историками предшествующих поколений только к походу Ольгерда на золотоордынское Подолье в 1362 г., самой Синеводской битве и ее последствиям.

Летописные памятники излагают сведения о военно-политических акциях Великого княжества Литовского в 1362 г. во владениях Золотой Орды в двух версиях. Первая из них содержится в лапидарных заметках Рогожского летописца (1440-е гг.) (ПСРЛ

2000: стб. 75), восходящих к официальному летописанию Тверского княжества. Его правители, как известно, во второй половине XIV в. поддерживали особенно тесные политические, церковно-политические и династические связи с правящей элитой Литовского княжества. Поэтому, надо полагать, тверские заметки являются хронологически наиболее близкими к событиям 1362 г. и содержат наиболее полную и наименее деформированную информацию о них. На общем фоне общерусского летописания XIV–XV вв. они выглядят случайно сохранившимися. Повторенные в Рогожском, а затем в Патриаршем, или Никоновском, своде (1520-е гг.) (ПСРЛ 1965: 2), тверские записи сообщают, что сначала Литва «взяша Коршеву» (в XIV в. город на территории Золотой Орды, о местонахождении которого существует несколько версий). Захват Коршева повлек за собой «мятежи и тяготі людем по всеи земли». Только после этого «тое же осени», то есть в период с 24 сентября по 25 декабря 1362 г., Ольгерд «повоевал» Синие Воды и Белобережье в Подольской земле, что на правом берегу Днепра. Прежде всего из-за неясности ее происхождения и местонахождения упомянутого в ней г. Коршева, первая летописная версия не пользовалась признанием в старой историографии и как таковая не исследовалась.

Уникальные сведения Рогожского летописца подтверждаются некоторыми известиями более поздней и независимой от него хроники Мацея Стрыйковского (изданной в 1583 г.), точнее – ее золотоордынским источником [Strykowski 1846: 6–7]. Основу последнего составили исторические рассказы потомков татар, живших некогда в Подольской земле, но изгнанных оттуда правителем Литовского княжества Ольгердом. Автор хроники встретил их в степях Добруджи возле Дуная и беседовал с ними, о чем специально упомянул в своем труде. Эта, в сущности, золотоордынская по происхождению информация в изложении автора хроники повествует о катастрофических для татарского населения последствиях наступления войск Ольгерда – изгнании татар из степей Днепровско-Донского междуречья («аж за Очаков, от Киева и Путивля, аж до устья Дона»), а затем и из Подолья. Еще более позднего происхождения Густынская летописная компиляция (середина 1620-х гг.) содержит известия не только о разгроме Ольгердом трех татарских князей у Синих Вод и «изгнании» «власти Татарской» из Подолья,

но и о распространении сюзеренитета Ольгерда на другие «Руські держави» (ПСРЛ 2003: 130). Если первое известие составитель свода позаимствовал то ли прямо, то ли опосредованно из повести «О Подолье», то первоисточник второго пока не выяснен. Впрочем, из записи нельзя понять, ни какие «державы» имеются здесь в виду, ни время распространения на них верховной власти Ольгерда: то ли это был 1362 г., то ли годы правления Ольгерда в целом.

Вторая летописная версия о походе Ольгерда в южные степи и битве у Синих Вод была создана в разгар польско-литовской войны из-за Подолья (и Волыни) в самом начале 1430-х гг. в государственно-бюрократических кругах, близких к правящей аристократии Литовского княжества, что определило ее тенденциозность и официозность. Воплотилась она в анонимной повести «О Подолье» – первоисточнике наших знаний о Синеводской битве, ее участниках, результате и значении (ПСРЛ 1980г: 66; ПСРЛ 1980в: 74; ПСРЛ 1980а: 102; ПСРЛ 1980б: 138–139). По нашему мнению, основные тезисы версии могли быть озвучены на польско-литовских переговорах о Подолье либо 7 ноября 1430 г. в Троках, где было достигнуто соглашение, в соответствии с которым великий князь Литвы Свидригайло должен был получить все Подолье, либо в августе 1431 г. на переговорах, которые завершились договором о перемирии между Польшей и Литвой и фактическим разделом Подольской земли. В первую очередь повесть «О Подолье» сообщает о походе Ольгерда с литовским войском в южные степи и разгроме им у Синих Вод трех ордынских князей, как она утверждает, наследственных владельцев Подольской земли. Оба события явно трактуются в ней как главная причина изъятия Подолья из-под владычества Золотой Орды и присоединения его к Литве (то есть изъятия по «праву меча»). Тем не менее вопреки данному утверждению и нарушая хронологическую последовательность повествования, повесть рассказывает также о приходе в этот край князей Кориатовичей и об овладении ими «со князя великого Олгирдивым презволением и с помочию Литовския земли» (то есть овладении по «праву займанщины»). Ее анонимный автор хронологически обозначил появление Кориатовичей в Подолье временем до Синеводской битвы, указав, что оно произошло еще при жизни их отца, Новгородского князя Кориата Гедиминовича (умер сразу после 1358 г.).

Повесть «О Подолье» была известна интеллектуалам Польши и Великого княжества Литовского уже в середине XV в., когда ее включили в состав «Летописца великих князей литовских» и других литовско-русских летописей старшей редакции. В последующие несколько столетий историки Украины, Литвы, Белоруссии и России черпали из нее сведения преимущественно в изложении хроники Стрыйковского, время от времени переиздаваемой. Им отдавали предпочтение перед сведениями из других источников почти до конца XX в. В начале XX в. вторая летописная версия о Синеводской битве приобрела в восточнославянских историографиях значение официальной исторической доктрины. Этому не помешало даже осознание того факта (наиболее четкое в исследовании Теофила Сушицкого) (Сушицкий 1929: 162, 165, 306), что повесть «О Подолье» не является полноценным историческим источником по синеводской проблеме, а представляет собой историко-публицистическое произведение, отражающее в виде определенной концепции политические устремления и историческое сознание правящей элиты Литовского княжества в 30-е гг. XIV в.

В ответ на задекларированную литовскую версию правящая элита Короны Польской вскоре предъявила свою доктрину, опирающуюся на более широкий круг актов и источников и зафиксированную в них историю изменений государственного статуса Подолья. Главные постулаты этой доктрины публично провозгласили польские сенаторы весной 1448 г. на вальном сейме в Люблине. Как свидетельствует Ян Длугош, сенаторы утверждали, что Подолье никогда не принадлежало Литве, что поляки имели его не от литвинов, а польский король получил его частично в наследство по праву родства, частично – отобрал у золотоордынцев (Длугош 1962). Влияние доктрины сказалось уже на сведениях о Подолье в знаменитом труде самого Яна Длугоша, умолчавшего о Синих Водах и роли Кориатовичей в овладении Подольем (Dlugossii 1878a; 1878b). Вслед за ним так же поступили Бернард Ваповский и Марцин Бельский (Malinowski 1847: 127–128; Turowski 1856: 399). В 1558 г. Марцин Кромер предпринял попытку аргументировать доктрину документально, прежде всего условиями Кревской (1385 г.) и Городельской (1413 г.) польско-литовских уний (Cromer 1611: 322). В 1583 г. Мацей Стрыйковский противопоставил его доводам

тезис о литовских князьях как непосредственных преемниках Золотой Орды во владении Подольем, подкрепив его известием об изгнании войском Ольгерда татарского населения из этого края и передаче его под управление Кориатовичей (Strykowski 1846: 6–7, 103).

Так началась растянувшаяся на века полемика между адептами и оппонентами обеих официозных исторических доктрин. Она продолжалась с перерывами в несколько последующих столетий даже тогда, когда после Люблинской унии 1569 г. политическая борьба за Подолье прекратилась. Высокая степень политизированности научных споров о Подолье не только обуславливала повышенную тональность диспутантов, но и полярность их позиций и максимализм защищаемых тезисов. Разумеется, это не способствовало поискам новых методов решения синеводской проблемы, а, наоборот, вело к консервации определенных систем доказательств и выводов. В результате изучение синеводской проблемы на научных основах в XIX – первой половине XX в. хотя и активизировалось, но так и не привело к осмыслению того факта, что исследовательские изыскания из-за их утилитарного подхода к проблеме изначально были сконцентрированы не на ее главной части, а на производных от нее вопросах. Вместо исследования конкретных обстоятельств реализации провозглашенной в 1358 г. политической программы Ольгерда относительно всей Руси и Золотой Орды, прямым следствием которой, по нашему мнению, и являются военно-политические акции Великого княжества Литовского в западных золотоордынских улусах в 1362 г., внимание историков, как и встарь, оказалось сконцентрированным на вопросах истории постзолотоордынского Подолья и проблеме присоединения украинских земель к Литовскому княжеству.

Данный вывод подтверждается историографическим опытом, накопленным в ходе изучения синеводской проблемы. Назову лишь наиболее яркие примеры этого процесса и тех его фигурантов Новейшего времени, которые самостоятельно проанализировали источники и сделали ценные наблюдения и выводы. Хронологические рамки рассматриваемого периода выбраны не случайно – именно последняя треть XIX – середина XX в. характеризуется массовым изданием актового материала по эпохе позднего Средне-

вековья и Нового времени, тогда же усилился интерес историков к синеводской проблеме, ускорился процесс изучения ее определенных аспектов, были получены первые научные результаты. Но вопреки отмеченным успехам синеводская проблема и в Новейшее время изучалась в рамках двух конфронтующих традиционных исторических схем.

В восточноевропейских историографиях продолжало господствовать мнение, что летописная повесть «О Подолье» является правдивым источником. Еще в начале XIX в. Н. М. Карамзин вслед за Никоновской летописью определил дату Синеводской битвы 1363 г., ее место – берегами р. Синюха (правый приток Южного Буга), а результат – установлением власти Литвы над Подолем (Карамзин 1993, Т. V: 14). Ему вторили Д. Н. Бантыш-Каменский (1993: 19), С. М. Соловьев (1988: 255, 646, прим. 28; 686, 278), Т. Нарбут (Narbut 1839: 58, 60–61, 135–137) и К. Стадницкий [Stadnicki 1849: 35–53, 68, XIV–XV, prz. 58; 1881: 123, 132–138, 161, 248).

На рубеже 70–80-х гг. XIX в. основатель украинской литуанистики В. Б. Антонович исследовал обстоятельства присоединения к Литве Украины (Антонович 1878: 360–370; 1885: 47–58, 120–128; Шабульдо 1997: 132–142). Ученый считал, что непосредственным результатом самой Синеводской битвы были разгром Подольской орды, присоединение Подолья к Литве и передача власти над ним князьям Кориатовичам. Концепция В. Б. Антоновича не стала доминирующей даже в отечественной историографии, но она обратила на себя внимание ученых, поделив их на ее последователей и противников.

Главным оппонентом концепции И. Б. Антоновича выступил Н. П. Дашкевич, опиравшийся на более солидную источниковую базу. Он не признал повесть «О Подолье» достоверным источником и отрицал связь между тремя, по его мнению, разделенными временем и разными обстоятельствами событиями: установлением зависимости Киева от Литвы; приходом на Подолье князей Кориатовичей и подчинение его им; разгромом трех ордынских князей у Синих Вод (Дашкевич 1882, № 3: 45–70; № 8: 325–344; № 9: 361–376; № 10: 419–440; 1885: 74–89). Тогда же Н. В. Молчановский, исследуя историю средневекового Подолья, отрицал влияние битвы

у Синих Вод на присоединение этого края к Литве, отдав предпочтение второй версии повести «О Подолье», то есть подчинению его князьями Кориатовичами по праву «займанщины» (Молчановский 1883: 179; 1885: 175–179).

В 1891 г. концепцию Синеводской битвы В. Б. Антоновича полностью поддержал его ученик М. С. Грушевский. Он заново проанализировал источники данной проблемы и развил главные тезисы концепции, впервые рассмотрел поход Ольгерда во владения Золотой Орды на широком фоне литовско-польско-ордынских взаимоотношений, высказал ряд важных замечаний, предположений и рабочих гипотез. М. Грушевский впервые связал церковно-политические события в Киеве в 1358–1360 гг. и вокняжение в нем Владимира Ольгердовича с битвой у Синих Вод, а последнюю – с началом междоусобиц и ослаблением ханской власти в Золотой Орде. Вместе с тем ученый признал присоединение Киевщины к Литве и утверждение князей Кориатовичей на Подолье результатом Синеводской битвы, ошибочно доказывал истинность информации повести «О Подолье» известием Никоновской летописи о Синих Водах, неправильно вторично датировал битву у Синих Вод 1363 г., безосновательно предположил, что местом Синеводской битвы могли быть берега реки Сниводь, которая находится значительно севернее Синюхи – на пограничье Киевщины, Волыни и Подолья (Грушевский 1981: 492–494; 1894: 20–21; 1907: 74–76, 78, 82). На протяжении большей части XX в. выводы по синеводской проблеме видного украинского историка признавались как восточнославянскими (в том числе советскими), так и многими зарубежными историками, в частности польскими (С. Смолька, О. Гурка и др.). После отстранения М. С. Грушевского от научно-академической деятельности и разгрома украинской медиевистики в 1930 г. синеводская проблема в советской историографии не изучалась почти 70 лет; результаты, полученные ее первыми исследователями, оказались законсервированы.

Исключением явилась монография литовского советского историка Р. Батуры «Литва в борьбе народов против Золотой Орды от нашествия полчищ Бату до битвы у Синих Вод» (1975 г.) (Batura 1975), в которой с позиций концепции Антоновича – Грушевского рассмотрены основные вопросы синеводской проблемы, критиче-

ски проанализирована основная аргументация большой статьи С. Кучинского о Синих Водах (Kuczyński 1965). С точки зрения количества и степени достоверности информации автор среди летописных источников выделил Рогожский, Тверской и Никоновский своды, а также литовско-русские летописи, но не определил степень их презентабельности. Можно сказать, что труд Р. Батуры является продолжением и своего рода подведением итогов предшествующего этапа научного изучения синеводской проблемы. Вместе с тем предпринятая в нем попытка рассмотреть битву у Синих Вод как неотъемлемую часть спланированного массивного наступления Литвы на подвластные Золотой Орде земли Руси и одновременно в контексте освободительной борьбы зависимых от империи Джучидов народов указывает на его новаторство и переходное значение.

В польской историографии конца XIX – первой половины XX в. заметны два подхода историков к синеводской проблеме: традиционный, отрицающий историчность Синеводской битвы и ее решающее значение для Подолья, и, наоборот, признающий ее. В период между Первой и Второй мировыми войнами стал преобладать традиционный подход. Его сторонники вообще отбросили летописную повесть «О Подолье» как недостоверный источник, но зато стали больше уделять внимания началу властвования в Подольской земле князей Кориатовичей, характеру их власти и отношению к Литве, Венгрии и особенно к Польше. Среди них наиболее жесткую позицию занял Антони Прохаска, который в 1895 г. предпринял попытку доказать, что литовского завоевания Подолья не было – его освободил от татар еще польский король Казимир III, а князья Кориатовичи особой роли в этом крае не играли (Prochaska 1895: 256–257). В 1911 г. Владислав Абрагам аргументировал мнение, что князья Кориатовичи появились на Подолье с польской помощью еще до 1349 г., и этим перечеркнул прямую связь между Синеводской битвой и ликвидацией властвования Золотой Орды на Подолье (Abraham 1912: 5–7). В том же году А. Левицкий поставил под сомнение историчность битвы у Синих Вод, а К. Ходиницкий (1927) отринул ее вообще (Lewicki 1896: 688; Chodyncki 1927: 57–58). Подобные взгляды высказывали также А. Яблоновский, О. Галецкий, Я. Натансон-Леский, Ю. Пузына, Г. Пашкевич, Г. Ловмян-

ский. Но некоторые историки (И. Левелель, К. Шайноха, С. Смолька, К. Стадницкий, Г. Пашкевич, Л. Колянковский и др.) признавали освобождение Подолья от верховенства Золотой Орды в результате битвы у Синих Вод.

В 1935 г. в полемику с М. Грушевским вступил С. Кучинский (Kuczyński 1965: 154–158). С этой целью польский историк специально рассмотрел основные аспекты синеводской проблемы и особенно критически – ее историографию. По его мнению, князья Кориатовичи появились на Подолье, вероятнее всего, в 1345 г. и овладели его северо-восточной частью без помощи Литовского княжества; Западное Подолье уже тогда принадлежало Казимиру III, поэтому Кориатовичи были вынуждены поддерживать тесные связи с Польшей и союзной с нею Венгрией. Возможность похода Ольгерда к Синим Водам и саму битву С. Кучинский не отрицал, но считал их незначительными эпизодами во взаимоотношениях Литовского княжества и Золотой Орды. Он также высказал предположение, что битва имела место возле замка Синие Воды на реке Синюха, отмеченного в «Книге Большому Чертежу» в 70 верстах от ее впадения в Южный Буг.

В современной польской историографии интерес к синеводской проблеме проявляется значительно реже, чем в начале прошлого века. Историки, которые затрагивали ее в своих работах – Тадеуш Трайдос, Ежи Тышкевич, Ян Тенговский и Януш Куртыка (Trajdos 1983: 118–122; Tyszkiewicz 1989: 118; Tęgowski 1995: 20; 1997: 158; Kurtyka 1998: 8–9; 2000: 13–18; 2004: 131–133) – не выдвигали принципиально новых концепций, ограничиваясь, как правило, историографическим экскурсом по дискуссии вокруг Синеводской битвы и рассмотрением вопросов истории присоединения Западного Подолья к Короне Польской, роли в этом князей Кориатовичей.

В современных исследованиях восточнославянских историков принципиально новые подходы к изучению синеводской проблематики также отсутствуют. Подавляющее большинство их пользуются устаревшими выводами и результатами исследований о Синих Водах. Подобное характерно и для украинской современной историографии. Яркий пример тому – монографическое исследование О. Билецкой об истоках формирования Подольской земли как ис-

торической области, в котором «битва с татарами на реке Синяя Вода» в полном соответствии с летописной повестью «О Подолье» рассматривается как «одно из наиболее знаменитых событий южной литовской агрессии» (Білецька 2004: 110 и др.). В таком же ключе написаны несколько недавно опубликованных статей, посвященных конкретным вопросам синеводской проблемы (Мыц 2001: 245–256; 2002: 107–112; Гедзь б. г. а; Гедзь б. г. б; Вирський б. г.].

По-иному предлагает взглянуть на синеводскую проблему автор данной статьи. Представленная в моих работах новая система взглядов на конфликт Великого княжества Литовского с Золотой Ордой в 1362 г., в том числе на битву у Синих Вод, базируется на древнейшей летописной версии, изложенной в соответствующих записях Рогожского летописца (Шабульдо 1997: 132–142; 1998а: 145–146; 1998б: 51–68; 1998с: 69–84; 2000: 57–74; 2002: 301–317; 2003: 153–172; 2004: 1025–1059; 2005а: 100–122; Šabuldo 2005: 5–26; Шабульдо 2005б: 9–27; 2006: 7–22; 2007: 157–182). Сама синеводская проблема трактуется в статьях значительно шире и принципиально иначе, а именно – как полномасштабная война Литовского княжества в союзе с Мамаевой Ордой против Золотой Орды (конкретнее – против Волжской Орды, контролируемой кокордынскими Джучидами). Новизна предложенной концепции проявилась в первую очередь в интерпретации общего хода военно-политических событий 1362 г. в западной части Золотой Орды, в оценке их последствий. Таким образом, изучение синеводской проблемы еще более усложнилось: теперь оно характеризуется наличием трех разных способов ее понимания в соответствии с существующими в историографии тремя историческими концепциями и разными исследовательскими подходами к ней и ее источникам, сохранившим разногласие относительно хода событий, предшествовавших походу на Синие Воды, историчности самой битвы, ее места, даты и непосредственных результатов.

Новая концепция была воспринята с большим сомнением и осторожностью прежде всего некоторыми украинскими историками (Русина 1999: 178–189; ответ на эту рецензию см.: Шабульдо 1999: 198–217; Русина 2010: 495; Василенко 2006: 95–96, прим. 202). Они поставили автору в вину игнорирование выводов польских иссле-

дователей, «склонность к гиперболизации значения» и «переоценку» Синеводской битвы, возведение концепции главным образом на «фантастических» сведениях хроники Стрыйковского и пр. Никто из критиков, однако, не попытался разобраться в системе доказательств, на которой она построена. Между тем чтобы ее выстроить и обосновать, пришлось прежде всего дать ответы на вопросы, поставленные еще старой историографией, но так ею и не решенные. К ним относятся: локализация летописного г. Коршева, которым овладело войско Ольгерда летом 1362 г.; осмысление как исторического факта прямой зависимости между походом Ольгердова войска на Левобережье, взятием Коршева и инкорпорацией в состав Литовского княжества перед тем золотоордынской Переяславщины, ставшей частью территории Киевского княжества; осознание того, что основу сведений хроники Мацея Стрыйковского о походах Ольгерда на Днепровское левобережье до Азова и в Подолье составил переработанный автором рассказ о территориальных потерях татарского населения в 1362 г., то есть золотоордынский по происхождению источник информации; датирование союза между Мамаем и Ольгердом 1361 г., а не серединой 1360-х гг., как это до сих пор утверждается в научной литературе.

Впервые был также выдвинут ряд рабочих гипотез и предположений, которые в той или иной степени опираются на известные события, апробированные факты, данные источников и конкретно-исторические обстоятельства. Такими являются, например, локализация замка Синие Воды на месте современного пгт Торговица на Кировоградщине и отождествление его с Ябгу-городком ханских ярлыков, гипотеза о бегстве Мамаю с ханским двором летом – осенью 1361 г. из Нового Сарая под защиту оборонительных сооружений Киева, уже тогда подвластного великому князю литовскому Ольгерду, и др. Но наиболее важным из сделанного представляется доказательство того факта, что реестр пожалованных городов и территорий в сохранившихся ярлыках крымских ханов XV–XVI вв. впервые был выписан в Мамаевом ярлыке для Ольгерда и, следовательно, он отражает один из главных результатов успешной войны Великого княжества Литовского против Волжского царства в 1362 г. Только с открытием данного факта оказалось возможным составить максимально приближенное к историческим реалиям ис-

следуемой эпохи представление о масштабе этой войны, ее результатов и последствий, сделать окончательный выбор в пользу свидетельств о ней Рогожского летописца, хроники Стрыйковского и Густынской летописи.

В соответствии с новой трактовкой синеводской проблемы военно-политические события в западных улусах Золотой Орды развивались в 1362 г. следующим образом.

Еще осенью 1359 г., сразу после смерти хана Бердибека, в Золотой Орде началась серия дворцовых переворотов, в ходе которых были физически уничтожены потенциальные претенденты на ханский трон из правящей династии Батуидов, а власть в Новом Сарае захватили царевичи из восточной части Джучиева Улуса (Кок-Орды), среди которых также началась борьба за высшую власть. Вскоре династический кризис перерос в затяжной общегосударственный политический кризис (Егоров 1974: 45–49; 1980: 190–196). Это случилось, скорее всего, летом 1361 г., когда нечингисид Мамай, темник, князь племени Кият и зять Бердибека, вмешался в междоусобицы Джучидов и предпринял попытку посадить на ханский трон в Новом Сарае своего ставленника (Кучкин 1996: 118–119)¹. Мятеж не имел успеха: через несколько дней после устранения хана Тимур-Ходжи и провозглашения ханом малолетнего Абдуллаха Мамай вместе с ханским двором своего тестя («а Орда и царицы вси с ним») вынужден был бежать на правый берег Волги, вероятнее всего, в подвластный Литве Киев². Скорее всего, это произошло в последних числах августа 1361 г., перед захватом

¹ В. Л. Кучкин датирует мятеж Мамаю мартом – октябрем 1361 г. по монете Абдуллаха, чеканенной в золотоордынской столице в 762 г. х. (11 ноября 1360 г. – 30 октября 1361 г.), и дате возведения его на престол, указанной в Рогожском летописце: между 1 марта и 28 февраля 1362 г., но игнорирует перипетии борьбы за Новый Сарай между претендентами на ханский престол.

² Встречающаяся в научной литературе версия о бегстве Мамаю в Крым не выдерживает проверки фактами, ставшими известными недавно. Во-первых, в 1361 г. Крым Мамаю не принадлежал, он овладел им только в 1365 г. Во-вторых, укрыться в родовых владениях на левом берегу Нижнего Днепра Мамай также не мог, ибо был бы окружен враждебными ему сторонниками Кильдибека, одного из Мамаевых соперников в борьбе за ханскую власть, который, поддерживаемый знатью правого крыла Золотой Орды (Ак-Орды), именно в то время предпринял удачную попытку захватить Новый Сарай. В-третьих, в сложившейся обстановке укрепленный Киев был для Мамаю наиболее безопасным убежищем. В этой связи уместно принять во внимание политическую ориентацию Мамаю на Литву еще во времена хана Бердибека.

в начале сентября Нового Сарая следующим претендентом на ханский трон – Ордумеликом, возможно, младшим братом Тимур-Ходжи (Егоров 1980: 186; Мухамадиев 1983: 90; Григорьев 1983: 14, 15; Сидоренко 2000: 277–278). Великий князь Литовский Ольгерд воспользовался ослаблением Золотой Орды для реализации собственных политических планов, конечной целью которых было устранение главных политических противников на пути к созданию в Восточной Европе могущественной империи Гедиминовичей. Он дал приют и убежище темнику Мамаю и его свите в своих южных, пограничных со степью владениях и заключил с ним договор о союзе против Волжского царства, верховную власть над которым оспаривали в то время несколько кок-ордынских царевичей. Здесь, на золотоордынской территории Среднего Поднепровья и Подонья, Мамай приступил к формированию своего войска и Орды, что, видимо, вызвало политическое размежевание среди золотоордынцев на сторонников Мамаю (и подставного хана Абдуллаха) и его противников. Последние, видимо, сразу же подверглись изгнанию из края, что и вызвало, по словам летописца, «мятежи и тяготі людем по всеи земли».

Военные действия начались весной 1362 г. и приняли характер массового изгнания татарского населения, очевидно, в первую очередь враждебного Мамаю и Ольгерду, из мест его наибольшей концентрации, находившихся, как правило, возле пересечения важных путей и магистралей международной торговли. Летом 1362 г. войско Ольгерда захватило г. Коршев, по-видимому, центр значительного золотоордынского региона, расположенный на реке Тихая Сосна, на пересечении древнего Муравского шляха и торгового пути из Нового Сарая на Киев, Подолье и далее на запад. После захвата Коршева союзники начали наступление на юг Днепровско-Донского междуречья, где в июле – августе Мамай овладел г. Азак (Азов), о чем свидетельствует организованная им в городе чеканка монет с именем Абдуллаха. Далее войско Мамаю двинулось в Нижнее Поволжье и в начале сентября овладело столицей Золотой Орды. Тем временем войско Ольгерда начало наступление на золотоордынское Подолье, которое занимало тогда большую часть Днепровского правобережья. Приблизительно в октябре оно «повоевало» местность вокруг замка Синие Воды (до 1362 г. степной город

Ябгу на Черном шляхе возле переправы через реку Синюха, позднее замок Синие Воды) и Белобережье (местность на черноморском побережье между устьями Днепра и Южного Буга), где также пересекались важные торговые пути.

Наиболее значительным результатом военных действий Великого княжества Литовского во владениях Золотой Орды 1362 г. был раздел союзниками территории Ак-Орды и образование в причерноморских и азовских степях Мамаевой Орды, которая около 20 лет политически противостояла остальной империи Джучидов. В частности, к Литовскому княжеству отошли южнорусские земли в верховьях Дона и по Оке вплоть до Тулы³, Днепровское левобережье, ограниченное на юге руслами Ворсклы и Тихой Сосны, а также все золотоордынское Подолье (Великое Подолье) на Правобережье, в котором утвердилась власть литовских князей Кориатовичей. Граница Великого княжества Литовского на юге достигла черноморского побережья возле устья Днепра, Южного Буга и Днестра, а на Левобережье – русла реки Ворсклы. Днепр («почонши от Киева и до устья», как отмечено в ханских ярлыках) стал естественным рубежом и границей между Литовским княжеством и Мамаевой Ордой.

Главный результат успешной войны Литвы против Волжской Орды был юридически оформлен и закреплен специальным жалованным ярлыком Мамаю. Вероятнее всего, этот документ был выдан великому князю литовскому Ольгерду от имени подставного хана Абдуллаха в Новом Сарае осенью 1362 г. Мамаев ярлык стал первым среди подобных ярлыков, выданных впоследствии правителям Великого княжества Литовского сначала золотоордынскими ханами из рода Токтамышы, а в XV – первой половине XVI в. – правителями Крымского ханства. Таким образом, под властью и в полной собственности династии Гедиминовичей оказались Подолье и широкая полоса территории Южной Руси, прежде зависи-

³ Обстоятельства присоединения к Литовскому княжеству земель в верховьях Дона и вдоль Оки заслуживают специального изучения. В данной статье выскажем лишь общее предположение: вероятнее всего, верховенство Литвы было распространено на ближайшую к ее владениям западную часть этого региона до середины 50-х гг. XIV в., тогда как восточная его часть вместе с Тулой оказалась под литовским контролем весной 1360 г., сразу после гибели царицы Тайдулы, владевшей Тулой как своим уделом.

мой от Золотой Орды, в том числе украинской: Волынь, Подолье, Киевщина, Переяславщина и Чернигово-Северщина. В составе Литовского княжества украинские земли получили статус великокняжеского домена, их политическая и экономическая зависимость от Золотой Орды, таким образом, была ликвидирована. С геополитической точки зрения все эти события означали конец более чем столетнего пребывания большей части Украины – Руси в составе «*Rex Mongolica*» и повторную их переориентацию на Запад.

С инкорпорацией Подолья и Южной Руси Великое княжество Литовское превратилось в одну из крупнейших феодальных держав и влиятельную политическую силу в Центрально-Восточной Европе, способную решать в восточноевропейском регионе внешнеполитические задачи геополитической значимости. Для Золотой Орды результаты событий 1362 г. оказались губительными – вместе с другими внешнеполитическими факторами они содействовали перерастанию общегосударственного политического кризиса 1360-х гг. в кризис системный, потрясший основы степной империи и вызвавший в конечном итоге упадок и территориальный распад Джучиевого Улуса, ликвидацию всей системы господства Золотой Орды в Восточной Европе.

Литература

Антонович, В. Б.

1885. *Монографии по истории Западной и Юго-Западной России*. Т. I (с. 47–58, 120–128). Киев.

1878. Очерк истории В[еликого] К[няжества] Литовского до половины XV столетия. *Университетские известия*. Киев, 1878, май. Год XVIII. № 5.

Бантыш-Каменский, Д. Н. 1993. *История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства*. Киев: Час.

Білецька, О. 2004. *Поділля на зламі XIV–XV ст.: до витоків формування історичної області*. Одеса.

Василенко, В. 2006. *Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX – першої третини XX ст.* Дніпропетровськ.

Вирський, Д. [Б. г.]. Українське Подніпров'я в С. Сарницького «Описі стародавньої та нової Польщі». URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Igdu/2009_11/3.pdf

Гедзь, Т.

Б. г. а. Чи існував насправді «город Синя Вода». *Нариси історичної географії України*. URL: <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/AuxHistorySci/HistGeography/SyniaVoda.html>.

Б. г. б. До питання про існування та локалізацію «степового» Звенигорода. *Нариси історичної географії України*. URL: <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/AuxHistorySci/HistGeography>.

Григорьев, А. П. 1983. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений. *Историография и источниковедение стран Азии и Африки*. Вып. 3. Л.

Грушевский, М.

1894. *Барское староство. Исторические очерки*. Киев.

1907. *Історія України – Руси*. Т. IV. Київ – Львів.

1981. *Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия*. Киев (переизд.: Киев, 1991).

Грушевський, М. 1996. *Барське староство. Історичні нариси (XV–XVIII ст.)*. Львів.

Дашкевич, Н.

1882. Литовско-Русское государство, условия его возникновения и причины упадка. *Университетские известия*. Киев.

1885. *Заметки по истории Литовско-Русского государства*. Киев.

Длугош, Я. 1962. *Грюнвальдская битва*. М.: Изд-во АН СССР.

Егоров, В. Л.

1974. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде. *Вопросы истории* 8: 45–49.

1980. Золотая Орда перед Куликовской битвой. В: Бескровный, Л. Г. (ред.), *Куликовская битва: сб. статей*. М.: Наука.

Карамзин, Н. М. 1993. *История государства Российского*: в 12 т. Т. V. М.: Наука.

Кучкин, В. Л. 1996. Ханы Мамаевой Орды. *90 лет Н. А. Баскакову: сб. М.: Языки русской культуры*.

Молчановский, Н.

1883. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. *Университетские известия: сб.* Киев.

1885. *Очерк известий о Подольской земле до 1434 года (преимущественно по летописям)*. Киев.

Мухамадиев, А. Г. 1983. *Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв.* М.: Наука.

Мыц, В. Л.

2001. Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани мангуптской надписи 1361/62 г., или мнимый князь Феодоро Дмитрий. *Античная древность и средние века*. Вып. 32. Екатеринбург.

2002. Битва на Синей Воде 1363 г. в историографии средневекового Крыма. *Археологічний літопис Лівобережної України*. Вып. 1. Полтава.

ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 35. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 1965.

ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. Летопись Археологического общества. М., 1980а.

ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. Летопись Красинского. М., 1980б.

ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. Слуцкая летопись. М., 1980в.

ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. Супрасльская летопись. М., 1980г.

ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000.

ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.

Русина, О.

1999. Синьоводська «Задонщина»: історична першість чи історіографічний гібрид? *Український гуманітарний огляд*. Вип. 1. Київ: Критика.

2010. Історія Київського князівства. *Україна скрізь віки* (с. 184–202). Київ.

Сидоренко, В. А. 2000. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1800 гг. *Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии*. Вып. VII. Симферополь.

Соловьев, С. М. 1988. Кн. II. *История России с древнейших времен*. В: Соловьев, С. М., Соч.: в 18 т. М.: Мысль.

Сушицкий, Т. 1929. *Західно-руські літописи як пам'ятки літератури*. Ч. II. Київ.

Шабульдо, Ф.

1997. Концепція Синьоводської битви В. Б. Антоновича і вітчизняна історіографія. *Третя Академія пам'яті В. Б. Антоновича. Доповіді та матеріали. 11–12 грудня 1995 р. м. Київ.*

1998a. Возвращаясь к синеводской проблеме: о некоторых результатах и последствиях антиордынской кампании Великого княжества Литовского в 1362 г. *Славяне и их соседи: сб. тезисов 17 конференции памяти В. Д. Королюка «Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее Новое время».* М.

1998b. Концепція Синьоводської битви В. Б. Антоновича і вітчизняна історіографія. *Синьоводська проблема: можливий спосіб її розв'язання. Історичні зошити.* Київ: Інститут історії НАН України.

1998c. Мацей Стрийковський як історик Синьоводської битви. *Синьоводська проблема: можливий спосіб її розв'язання. Історичні зошити.* Київ: Інститут історії НАН України.

1999. Чого не схотіла або не змогла помітити моя рецензентка (відповідь на рецензію Олени Русиної). *Український гуманітарний огляд.* Вип. 2. Київ: Критика.

2000. Наративні джерела й перші дослідники про похід Ольгерда на Сині Води і Білобережжя. *Україна в Центрально-Східній Європі. Студії з історії XI–XVIII століть.* Київ.

2002. Чи був ярлик Мамаєва на українські землі? (до постановки проблеми). *Записки наукового товариства імені Шевченка.* Т. ССXLIII. *Праці Історично-філософської секції.* Львів.

2003. Czy istniał jarłyk Mamaja na ziemie ukraińskie? (Próba postawienia problemu). *Litвано-Slavica Posnaniensia. Studia Historica.* IX. Poznań.

2004. Про ярлик Мамаєва на землі України-Руси (постановка і спроба розв'язання проблеми). *Держави, суспільства, культури: Схід і Захід:* збірник на пошану Ярослава Пеленського / Національна Академія наук України, Інститут європейських досліджень, Східноєвропейський дослідний інститут імені В. К. Липинського. Нью-Йорк: Видавництво Росс.

2005a. Чи існував Ярлик Мамаєва на українські землі? (до постановки проблеми). *Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях.* Київ.

2005b. Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації. *Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях.* Київ.

2005c. Ярлики кримських ханов на землі Южної Русі (України) XV–XVI вв. как исторический источник. *Восточная Европа в древности и Средневековье: 17-е чтения памяти члена-корреспондента АН СССР*

V. T. Пацуто: 4-е чтения памяти доктора исторических наук А. А. Зими́на. 19–22 апреля 2005 г. М.

2006. Кондомініум в українських землях XIV століття. *Записки НТШ. Т. ССLI. Праці Історично-філософської секції*. Львів.

2007. Кондоминатный статус украинских земель в XIV в.: от первых территориальных приобретений Польши и Литвы во владениях Золотой Орды до ярлыка Мамай. *Balkanica Poznaniensia. XIV. UAM. Poznań*.

Abraham, W. 1912. Założenie biskupstwa łacińskiego w Kamieńcu Podolskim. *Księga pamiątkowa ku uczczeniu 250-tej rocznicy założenia uniwersytetu Lwowskiego*. Lwów.

Batura, R. 1975. *Lietuva tautų prieš kovoje Aukso Orda. Nuo antpludžio iki musio prie Melynųjų Vandenių*. Vilnius.

Chodyncki, K. 1927. Legenda o męczeństwie czternastu franciskanów w Wilnie. *Ateneum Wileńskie*. R. IV.

Cromer, M. 1611. *O sprawach, dziejach i wszystkich inszych potocznościach koronnych Polskich ksiąg XXX*. Kraków.

Długossii, I.

1878a. *Historiae Poloniae*. Cracoviae.

1878b. *Historiae Polonicae libri XII. T. III. Opera omnia. T. XII*. Cracoviae.

Kuczyński, S. M. 1965. Sine Wody (Rzecz o wyprawie Olgierdowej 1362 r.). In Kuczyński, S. M., *Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVII w.* Warszawa.

Kurtyka, J.

1998. *Urzednicy podolskie XIV–XVIII wieku: Spisy (= Urzednicy dawniej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku: Spisy. T. 3. Zesz. 3)*. Kórnik.

2000. Podole pomiędzy Polską i Litwą w XIV i I. połowie XV wiek. *Kamieniec Podolski. Studia z dziejów miasta i regionu. T. 1*. Kraków.

2004. Repertorium podolskie dokumenty do 1434 r. *Rocznik Przemyski. T. XL. Zesz. 4. Historia*.

Lewicki, A. 1896. (Rec.) Prochaska A. Podole lennem Korony. 1352–1430 (RAU. T. VII (XXXVII). 1895) // KH.R. X.

Malinowski, M. (wyd.). 1847. *Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535. Przez Bernarda z Rachamowic Wapowskiego*. T. 1. Wilno.

Narbut, T. 1839. *Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. V. Od śmierci Gedymina do bitwy nad Worską*. Wilno.

Prochaska, A. 1895. Podole lennem Korony. 1352–1430. RAU. Serya II. T. VII (XXXVII).

Šabuldo, F. M. 2005. Lietuvos ir Ordos kondominiumas ukrainos žemėse XIV a. *Lietuvos istorijos metraštis*. 2004 metai, 2. Vilnius.

Stadnicki, K.

1849. *Synowie Gedymina*. 2-e wyd. T. I. Monwid. Narymunt. Jawnuta. Koriat. Lwów.

1853. *Synowie Gedymina*. 2-e wyd. T. II. Lubart, xiążę wołyński. Lwów.

1881. *Synowie Gedymina wielko-władcy Litwy*. Monwid. Narymunt. Jawnuta. Koriat. Nowe wyd. Lwów.

Strykowski, M. 1846. *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi*. T. 2. Warszawa.

Tęgowski, J.

1995. *Małżeństwa Lubarta Gedyminowicza*. T. 6. *Genealogia*. Poznań; Wrocław.

1997. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku. *Teki Krakowskie* 5: 155–176.

Trajdos, T. 1983. *Kościół katolicki na ziemiach ruskich Korony i Litwy za panowania Władysława II Jagielły (1386–1434)*. T. 1. Wrocław etc.

Turowski, K. J. (wyd.) 1856. *Kronika Marcina Bielskiego*. T. 1. Sanok.

Tyszkiewicz, J. 1989. *Tatarzy na Litwie u w Polsce: Studia z dziejów XIII–XVIII w.* Warszawa.